

Глава 10

Бегство царевича

Вечером 10 ноября 1716 года граф Шенборн, вице-канцлер императорского двора в Вене, уже собирался отойти ко сну, когда к нему в покои вошел слуга и объявил, что наследник русского престола, сын царя Петра, находится в прихожей и требует принять его. Пораженный Шенборн принялся поспешно одеваться, но не дав ему закончить туалет, в спальню ворвался царевич. Он метался по комнате из конца в конец в полуистерическом состоянии и, захлебываясь, взывал к изумленному австрийцу. Он говорил, что приехал просить цесаря спасти его жизнь. Что царь, Меншиков и Екатерина хотят лишить его престола, заточить в монастыре, а может быть, даже убить. «Я слабый человек, – говорил он, – но у меня довольно ума, чтобы царствовать. К тому же, – прибавил он, – только Богу, а не людям дано право даровать царства и назначать наследников престола».

Остолбеневший Шенборн глядел на молодого человека, который беспрестанно озирался по сторонам, будто опасаясь, что его гонители вот-вот ворвутся прямо в спальню. Наконец вице-канцлер успокаивающе поднял руку и предложил царевичу стул. Алексей проглотил комок, тяжело опустился на стул и попросил пива. У Шенборна пива не было, но он предложил посетителю бокал мозельского и начал дружелюбным и ласковым тоном задавать ему вопросы, желая убедиться, что перед ним действительно русский царевич.

Покончив с этим, Шенборн объяснил всхлипывающему принцу, что нельзя будить ночью императора, но что наутро ему обо всем доложат. А тем временем лучше всего царевичу вернуться к себе в гостиницу и, сохраняя инкогнито, оставаться там, пока не будет решено, что делать дальше. Алексей согласился и, пробормотав благодарность, снова залился слезами и вышел.

Приезд Алексея поставил императора Карла VI в щекотливое положение. Вмешаться в конфликт между отцом и сыном было бы рискованно. Случись в России бунт или междоусобная война, неизвестно, кто победит, а если Австрия окажет помощь обреченному проиграть, то как знать, какую форму примет месть победителя. В конце концов решили не принимать Алексея официально и не делать достоянием гласности его пребывание на имперской территории. С другой стороны, императору не следовало оставаться совершенно глухим к призывам родственника. Решили, что царевич инкогнито будет скрываться на территории империи, пока не удастся примирить его с отцом или обстоятельства не переменятся.

Два дня спустя со всеми предосторожностями Алексея с его немногочисленными спутниками (в числе которых была и Евфросинья, все еще в мужском платье) доставили в уединенный замок Эренберг в Тироле, в долине реки Лех. Там они и зажили в атмосфере полной секретности. Коменданту крепости не сообщили, кто его гость, и он думал, что это какой-то знатный поляк или венгр. Солдатам гарнизона запретили покидать замок на все время пребывания царевича; никого не отпускали в увольнение, и не разрешалось производить никаких замен в гарнизоне. К постояльцу замка следовало относиться как к гостю императорского двора, услужать ему с почтением, а стол его был обеспечен щедрым месячным содержанием в 300 флоринов. Всю корреспонденцию, адресованную гостю или исходящую от него, надлежало перехватывать и отсылать в Вену, в Имперскую канцелярию. Самое главное, не подпускать близко к замку никаких посторонних. Всякого, кто приблизится к воротам или попытается заговорить с охраной, предписывалось немедленно арестовать.

За толстыми стенами, в альпийском высокогорье, среди глубоких снегов, Алексей наконец-то ощутил себя в безопасности. Рядом была Евфросинья, еще четверо русских слуг и множество книг. Ему не хватало только православного священника, но его присутствие мешало бы сохранять инкогнито царевича. Однако Алексей умолял Шенборна прислать ему священника, если он заболит или окажется при смерти. В эти пять месяцев его связь с миром осуществлялась через графа Шенборна и Имперскую канцелярию в Вене. Время от

времени граф присылал ему весточку. «Начинают поговаривать, будто царевич погиб, – гласило одно из сообщений Шенборна. – Одни считают, что он бежал из-за жестокосердия отца, другие полагают, что его умертвили по отцовскому приказу. Третьи говорят, что его по дороге убили грабители. Никто точно не знает, где он находится. Прилагаю как курьез то, что пишут из Санкт-Петербурга. Царевичу рекомендуется в собственных его интересах хорошенько укрыться, потому что, как только царь вернется из Амстердама, начнутся усиленные розыски».

В России осознали, что царевич скрылся, гораздо позже, чем можно было ожидать. Царское семейство разъехалось кто куда: Петр в Амстердам, Екатерина в Мекленбург. Любое путешествие в те времена было делом небыстрым и ненадежным, так что все считали, что Алексей пробивается по заснеженным дорогам из Петербурга по берегу Балтики, чтобы присоединиться к армии, стоявшей в Мекленбурге на зимних квартирах. Задержка на целых несколько недель могла объясняться просто дорожными трудностями. И все же пришло время, когда о царевиче начали беспокоиться. Екатерина дважды писала Меншикову, чтобы справиться об Алексее. Один из слуг царевича, отправленный Кикиным ему вдогонку, потерял путешественников в Северной Германии и явился в Мекленбург к Екатерине с докладом, что проследил путь Алексея до Данцига, а там он как сквозь землю провалился. В эти-то первые недели поисков граф Шенборн и прислал беглецу, укrywшемуся в Тироле, январское донесение Плейера, австрийского представителя в Петербурге: «Так как до сих пор никто не проявлял особенного внимания к кронпринцу, то и его отъезд не вызвал большого интереса. Но когда старая царица Мария вернулась с вод [из Карлсбада], она явилась в дом кронпринца и принялась плакать: „Бедные сиротки, без отца, без матери, как мне вас жалко!“ – а к тому же стало известно, что царевич доехал всего только до Данцига, вот тут-то все начали о нем расспрашивать. Многие высокопоставленные лица тайно присылали ко мне и к другим иностранцам разузнать, не получали ли мы писем с известиями о нем. Двое его слуг тоже являлись ко мне с расспросами. Они горько рыдали и говорили, что царевич здесь взял тысячу дукатов на дорогу, а в Данциге занял еще две тысячи и прислал им распоряжение тайно распродать его обстановку и заплатить по векселям, и с тех пор вестей от него не было. При этом люди перешептываются, что его вблизи Данцига захватили люди царя и увезли в отдаленный монастырь, но неизвестно, жив он или умер. Другие считают, что он уехал в Венгрию или какое-нибудь другое имперское владение».

Дальше Плейер, ненавидевший Петра, начал явно преувеличивать. «Тут все созрело для восстания», – сообщал он в Вену. Он пишет о заговоре, в результате которого, по слухам, Петр будет убит, Екатерина посажена в тюрьму, Евдокия освобождена, а Алексей взойдет на престол. Далее он приводит реестр жалоб дворянства, с представителями которого он, по всей видимости, беседовал. «И низкие и высокие ни о чем другом не говорят, как об оскорблении, которое терпели они сами и их дети, обязанные идти в матросы и корабельные плотники, хотя побывали за границей для изучения иностранных языков и потратили на это так много денег, и еще о разорении их имений из-за налогов и увода крестьян на строительство крепостей и гаваней». Письмо Плейера, которое Алексей отдал Евфросинье, чтобы она спрятала его в своих вещах, и которое позже попало в руки его следователей в Москве, сослужило царевичу плохую службу.

Петра, проводившего зиму в Амстердаме перед поездкой в Париж, беспокоили слухи об исчезновении сына, а когда они подтвердились, гнев и стыд овладели царем. Уже одного бегства достаточно было, чтобы унижить Петра; не говоря уже о том, что открытое неповиновение наследника непременно придало бы сил всем тем, кто надеялся в один прекрасный день повернуть вспять петровские реформы. Поэтому необходимо было отыскать царевича. В декабре генералу Вейде, командующему русскими войсками в Мекленбурге, было приказано в поисках царевича прочесать Северную Германию. На тот случай, если беглец окажется во владениях империи Габсбургов, к Петру в Амстердам был вызван русский резидент в Вене, Авраам Веселовский. Петр приказал ему незаметно начать поиски на имперских территориях и передал письмо, адресованное Карлу VI, с требованием

выслать царевича для «исправления» к отцу в сопровождении вооруженной охраны, если он открыто или тайно появится в пределах империи. Гордость Петра страдала оттого, что ему пришлось написать такое письмо, и он велел Веселовскому не передавать его императору, если не подтвердится, что Алексей и вправду находится на австрийской территории.

Веселовский с тяжелым сердцем воспринял возложенную на него роль ищейки, но поехал из Амстердама в Данциг, чтобы напасть на след царевича. След вел из Данцига на юг, в Вену, и Веселовский обнаружил, что человек по имени Коханский, отвечающий описанию царевича, несколько месяцев тому назад проехал по этой дороге, двигаясь от одной почтовой станции к другой. В Вене след терялся, и из бесед с графом Шенборном, с принцем Евгением Савойским и даже с самим императором наш сыщик ничего не сумел разузнать. Помощь пришла в лице гвардейского капитана Александра Румянцева, гиганта ростом едва ли не с самого Петра, служившего царю личным адъютантом. В его задачи входило помочь Веселовскому захватить царевича – если понадобится, силой, – чтобы доставить его домой.

К концу марта усилия Веселовского и Румянцева начали приносить плоды. Подкупленный чиновник Имперской канцелярии намекнул, что стоило бы поискать в Тироле. Румянцев отправился в Тироль и узнал, что, по слухам, в замке Эренберг укрывают какого-то таинственного незнакомца. Он, насколько смог, подобрался поближе к замку и кружил возле него, пока наконец не углядел человека, в котором узнал царевича. Ошибки быть не могло. Вооруженный этими сведениями, Веселовский вернулся в Вену и вручил императору написанное в Амстердаме письмо царя. Он заявил, что ему доподлинно известно о пребывании Алексея в Эренберге, и совершенно очевидно, что он живет там с ведома имперского правительства. От его императорского величества почтительно потребовали честного ответа на запрос Петра по поводу его сына. Карл VI колебался, все еще не зная, как выпутаться из нежелательного затруднения. Он сказал Веселовскому, что сомневается в точности полученной из Тироля информации, но непременно во всем разберется. Потом он отправил имперского секретаря прямо к царевичу сообщить о случившемся, показать ему письмо Петра и спросить, готов ли он вернуться к отцу. Алексея обуяла истерика. Он бегал из комнаты в комнату, рыдал, заламывал руки, громко причитал по-русски, и секретарю стало ясно, что он готов на все, лишь бы не возвращаться. Затем секретарь огласил решение императора: поскольку теперешнее укрытие обнаружено, а игнорировать требования царя невозможно, то царевич будет переведен в другое убежище в пределах империи – в Неаполь, отошедший под власть имперской короны четырем годами раньше по Утрехтскому договору.

Алексей принял это решение с благодарностью. Его тайно препроводили через Инсбрук и Флоренцию на юг Италии, а с ним «пажа» Евфросинью и слуг. В пути вся компания привлекала к себе внимание безудержным пьянством. В письме к графу Шенборну имперский секретарь замечал, что «до самого Тренто за нами следовали подозрительные люди; впрочем, все шло хорошо. Я принимал все мыслимые меры, чтобы удержать нашу компанию от частых и безмерных возлияний, но все напрасно». В начале мая беглецы добрались до Неаполя, и после обеда в траттории «Три короля» карета царевича въехала во двор замка Сант-Эльмо. Мощные коричневые стены и башни крепости, глядящие через синий Неаполитанский залив на Везувий, стали приютом царевича на следующие пять месяцев. Он прижился, пообвыкся, отогрелся на солнышке и принялся писать письма в Россию, чтобы известить духовенство и Сенат, что он еще жив, и объяснить, почему бежал. Со временем округлившиеся формы Евфросиньи (она ждала ребенка) выдали, к какому полу принадлежит «паж». Как шутил в письме к принцу Евгению граф Шенборн, «наконец-то признано, что наш маленький паж – женщина. Объявлено, что это любовница и необходимейшая персона».

К несчастью для влюбленной пары, они напрасно думали, что их убежище осталось нераскрытым. «Подозрительные люди», замеченные секретарем по дороге на юг, были не кто иные, как Румянцев со своими подручными, проследовавшие за царевичем через всю Италию и по пятам за ним въехавшие в Неаполь. Как только они удостоверились, что

беглецы надолго вселяются в замок Сант-Эльмо, на север к царю Петру помчался курьер. Посланец нашел его в Спа, где царь отдыхал и пил воды после визита в Париж.

Услыхав, как обстоят дела, Петр страшно рассердился. Прошло девять месяцев, как сбежал царевич, и все это время, проезжая по иноземным государствам, посещая европейские дворы, царь нес на себе печать позора из-за бегства сына. Теперь же он понял, помимо всего прочего, что император не только скрыл от него присутствие Алексея в его владениях, но и, как свидетельствовал переезд беглеца в новое убежище в Неаполе, вообще не намеревался выдавать царевича. Петр снова написал императору, на этот раз уже прямо требуя возвращения своего беглого сына.

Чтобы доставить этот ультиматум в Вену, Петр избрал самого умелого из своих дипломатов, Петра Толстого. Этому мудрому старому лису с густыми черными бровями и холодным, властным лицом, было уже семьдесят два года. Он уцелел, несмотря на то что много лет назад поддерживал царевну Софью в борьбе между братом и сестрой. Он уцелел, хотя двенадцать лет прослужил послом России в Константинополе, где не раз его сажали в Семибашенный замок. И теперь, вернувшись с Петром из Парижа, Толстой получил свое последнее задание: он должен был ехать в Вену и добиться у императора ответа на вопрос, почему непокорный сын получил у него убежище. Толстому предстояло намекнуть Карлу VI на возможные последствия этого недружественного акта. Далее, если бы ему удалось увидаться с царевичем, он должен был вручить ему письмо Петра, в котором отец обещал сыну прощение, если тот вернется. Одновременно Толстой получил настоящий приказ Петра, надежно спрятанный в тайниках его души: привезти царевича в Россию любой ценой.

* * *

Толстой приехал в Вену и сразу же вместе с Веселовским и Румянцевым отправился к императору на аудиенцию. Там он предъявил письмо царя, в котором ясно говорилось, что Петру известно, где находится Алексей, и что он, как отец и как монарх, вправе требовать выдачи сына. Карл все выслушал, говорил мало, но обещал дать скорый ответ. Затем Толстой посетил герцогиню Вольфенбюттельскую, тещу Алексея, которая как раз приехала в Вену навестить свою дочь-императрицу. Он просил ее в интересах внуков – сына и дочери царевича – употребить свое влияние и содействовать возвращению беглеца. Она согласилась, так как хорошо понимала, что если царевич не подчинится отцу, то маленький Петр Алексеевич может быть лишен права на наследование.

18 августа собрался Имперский совет для рассмотрения сложившейся ситуации. Просто взять и отправить Алексея назад к Петру было невозможно. Ведь если бы потом оказалось, что обещание царя пощадить сына – не более чем уловка, то Австрию обвинили бы в причастности к гибели царевича. С другой стороны, в Польше и Северной Германии находились крупные силы русских. Зная крутой нрав Петра, в Вене боялись, как бы царь в ответ на послушание не развернул войска и не обрушил их – вместо Карла XII – на Силезию и Богемию. Наконец решили написать Петру, что, по сути дела, все это время император оказывал царю дружескую услугу – пытался уберечь добрые отношения между отцом и сыном, не допустить, чтобы Алексей попал в руки враждебных государств. Император особо подчеркивал, что Алексей вовсе не пленник в Неаполе: он был и остается волен отправляться, куда ему будет угодно. Одновременно император дал указания вице-королю в Неаполе ни к чему не принуждать царевича и принять меры предосторожности, на случай, если русские захотят с ним покончить.

26 сентября 1717 года Алексея пригласили во дворец к неаполитанскому вице-королю. Когда его провели в зал, он с ужасом увидел рядом с вице-королем Толстого и Румянцева. Царевич задрожал; вице-король, граф Даун, не предупредил его об их присутствии, подозревая, что в этом случае он ни за что бы не явился. Алексей знал, что великан Румянцев – приближенный отца, и ожидал что вот-вот блеснет сталь клинка. Но постепенно Толстой успокоил его ласковыми речами и убедил, что они приехали только затем, чтобы передать

ему письмо Петра, выслушать его соображения и дожидаться ответа. Все еще дрожа, царевич взял письмо и прочитал: «Мой сын! Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воли моей делал, и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему, но, наконец, обольстя меня и заклинаясь Богом при прощении со мною, потом что учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию! Что не слыхано не точию между наших детей, но ниже между нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил! Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же боишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешься и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью, проклинаю тебя вечно, а яко Государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебя, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине. К тому помяни, что я все не насильством тебе делал, а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Чтоб хотел, то б сделал».

Дочитав письмо, Алексей сказал посланцам отца, что передался под защиту императора потому, что отец надумал лишить его короны и постричь в монахи. Теперь же, когда отец обещает прощение, он, царевич, должен все как следует обдумать и взвесить, так что ответить сразу он не может. Через два дня, когда Толстой и Румянцев пришли снова, Алексей сказал им, что все-таки боится возвращаться к отцу и будет просить императора и дальше оказывать ему покровительство. Услышав такое, Толстой изменился в лице. Рыча от ярости, он метался по комнате и грозил, что Петр пойдет войной на империю, что в конце концов царь схватит сына – живым или мертвым – как предателя, что куда бы царевич ни бежал, спасения ему не будет, потому что Толстой с Румянцевым получили приказ не спускать с него глаз.

С глазами полными ужаса Алексей схватил вице-короля за руку, потащил его в соседнюю комнату, умоляя его гарантировать ему защиту императора. Даун, имевший приказ способствовать переговорам и одновременно – не допускать насилия, понимал, в чем состоит сложность положения его повелителя. Он успокоил Алексея, но про себя подумал, что сослужит службу обеим сторонам, если поможет уговорить царевича вернуться добровольно, и с этого момента вице-король начал действовать в пользу Толстого.

Толстой тем временем направил свой изворотливый ум на интриги, достойные константинопольских времен. При помощи 160 дукатов он подкупил секретаря вице-короля, чтобы тот шепнул царевичу, будто слышал, что император решил выдать сына разгневанному отцу. Затем, в разговоре с Алексеем, Толстой сказал, будто получил новое письмо от Петра, где объявлялось, что он едет сам – силой захватить сына и что русская армия вот-вот вступит в Силезию. Сам же царь намерен прибыть в Италию, продолжал Толстой. «А уж когда он сюда попадет, кто помешает ему встретиться с вами?» – спросил он. При мысли об этом Алексей побледнел.

И наконец безжалостный ум Толстого отыскал ключ, с помощью которого можно было воздействовать на Алексея: Евфросинья. Заметив болезненную привязанность царевича к этой крестьянке, он сказал вице-королю, что в ней-то и есть главная причина разрыва между отцом и сыном. Далее он высказал предположение, что Евфросинья продолжает отговаривать Алексея от возвращения домой, поскольку там ее положение будет сомнительным. Тогда, по настоянию Толстого, граф Даун приказал удалить девицу из замка Сант-Эльмо. Узнав об этом, Алексей сломился. Он написал Толстому, чтобы тот прибыл один к нему в замок, где они постараются прийти к соглашению. Толстой, уже почти выигравший эту партию, при помощи посулов и подарков уговорил Евфросинью просить своего возлюбленного вернуться домой. Она сделала то, о чем ее просили, и в слезах умоляла царевича бросить последнюю его отчаянную затею: он надумал бежать в Папскую область и отдать себя под защиту папы римского.

И эмоционально, и психологически Алексей был сокрушен и почти готов сдаться.

Какой у него был выбор? Вернуться в Россию вместе с любовницей и получить прощение отца или лишиться и Евфросиньи, и защиты императора и оказаться во власти Толстого и Румянцева, а то и царя Петра. Поэтому, когда явился Толстой, царевич быстро уступил. Несмотря на колебания, страхи и дурные предчувствия, он все же сказал послу: «Я поеду к отцу с двумя условиями: пусть мне дадут спокойно поселиться в деревне и не отнимают у меня Евфросинью». Толстой, помня о приказе Петра любой ценой доставить царевича в Россию, сразу согласился. Мало того, он пообещал Алексею лично написать царю и испросить для него позволения немедленно жениться на Евфросинье. В письме Толстой цинично объяснял Петру, что этот брак всем продемонстрирует, что Алексей бежал не по серьезным политическим мотивам, а просто ради скандальной любви к крестьянской девке. Заодно это, продолжал Толстой, раз и навсегда отобьет всякое сочувствие, которое еще могло сохраниться у австрийского императора к бывшему его свояку.

Алексей написал царю – просил прощения и умолял исполнить те два условия, на которые согласился Толстой. 17 ноября Петр ответил: «Что просишь прощения, которое уже вам пред сим чрез господ Толстаго и Румянцева письменно и словесно обещано, что и ныне паки подтверждаю, в чем будь весьма надежен. Также о некоторых желаниях писал к нам господин Толстой [жениться на Евфросинье], которые также здесь вам позволяется, о чем он вам объявит». Толстому Петр пояснил, что он разрешит этот брак, если Алексей по возвращении сам не передумает, но что заключен он должен быть либо на русской земле, либо на одной из недавно завоеванных территорий Прибалтики. Петр обещал также исполнить желание Алексея мирно поселиться в деревне. «Буде же сомневается, что ему не позволят, – писал царь Толстому, – и в том можно рассудить: когда я ему так великую вину отпустил, а сего малого дела для чего мне ему не позволить?»

С той минуты как Алексей решил вернуться и написал об этом императору в Вену, не могло быть и речи о том, чтобы удерживать его. Царевич выехал из замка Сант-Эльмо в сопровождении Толстого и Румянцева – он не торопился, на душе у него полегчало, и он совершил паломничество в Бари, на гробницу Святого Николая-чудотворца. Оттуда он направился в Рим, объехал святые места в ватиканской карете, был принят папой. В приподнятом расположении духа он добрался до Венеции, и там его уговорили оставить Евфросинью, чтобы ей, в ее деликатном положении, не пришлось зимой преодолевать Альпы.

Для осмотровых конвоиров царевича, Толстого и Румянцева, как и для Веселовского, поджидавшего их под Веной, ехать через имперскую столицу было все равно что пройти сквозь строй. Алексей просил сделать в Вене остановку, чтобы он мог лично поблагодарить императора за гостеприимство. Но Толстой опасался, что кто-то из них или оба они передумают и вся его миссия пойдет прахом. Поэтому он распорядился так, чтобы Веселовский тайком провез их маленький отряд через Вену за одну ночь. И к тому времени как император услышал об этом, царевич и его спутники уже находились к северу от столицы, в городке Брюнн, в имперской провинции Моравия.

Карл был обеспокоен и рассержен. Его мучила совесть из-за того, чему он позволил совершиться в Неаполе. И чтобы успокоить себя, он решил побеседовать со своим родственником, когда тот поедет через Вену, и убедиться, что царевич и вправду по доброй воле возвращается в Россию. Конечно, император очень рассчитывал получить от Алексея подтверждение этому и поскорей распрощаться с гостем, доставившим ему столько волнений и неудобств. Но долг чести требовал, чтобы Алексей действовал добровольно; имперское достоинство не могло допустить, чтобы царевича уволокли силой. Поэтому спешно был созван Совет, и к губернатору Моравии графу Коллоредо отправился гонец с приказом задержать русских до тех пор, пока Алексей лично не подтвердит, что едет без принуждения и по своей доброй воле.

Увидев солдат, окруживших гостиницу, Толстой заявил, что никакого царевича среди путешественников нет. Он угрожал проткнуть шпагой любого, кто попытается войти в комнату Алексея, и обещал, что царь Петр так просто этого дела не оставит. Ошарашенный

губернатор послал в Вену за новыми инструкциями, и ему снова приказали не выпускать отряд Толстого из Брюнна, не поговорив с царевичем, причем велели, если понадобится, применить силу. Тут Толстой отступил. Беседа была разрешена, хотя требованию Коллоредо говорить с Алексеем наедине не вняли, и Толстой с Румянцевым находились здесь же. При этих обстоятельствах Алексей отвечал односложно, говорил, что мечтает вернуться к отцу и что не остановился навестить императора, так как не имел придворного костюма и приличной случаю кареты. Игра была окончена. Декорум и дипломатический этикет соблюдены: губернатор Моравии, а в его лице и император сложили с себя все обязательства. Разрешение на выезд было получено. Через несколько часов Толстой раздобыл свежих лошадей и русские уехали. 21 января 1718 года они достигли Риги, то есть занятой Россией территории. Оттуда царевича отвезли в Тверь, недалеко от Москвы, – ждать, пока отец его вызовет.

Евфросинья осталась в Венеции, намереваясь выехать в более благоприятную погоду и не так поспешно. С дороги Алексей писал ей письмо за письмом, проникнутые любовью и заботой: «И ты, друг мой, не печалься, поезжай с Богом, а дорогою себя береги. Поезжай в летиге, не спеша, понеже в Тирольских горах дорога камениста: сама ты знаешь, а где захочешь, отдыхай, по сколько дней хочешь. Не смотри на расход денежный: хотя и много издержишь, мне твое здоровье лучше всего». Он советовал ей, где покупать лекарства в Венеции и в Болонье. Из Инсбрука он писал: «А здесь в Инбурхе, или где инде, купи колязку хорошую, покойную». Одного из ее слуг он умолял: «Делай что можешь – только чтобы Евфросинья не скучала и не печалилась»¹⁵. По приезде в Россию первой его заботой было отослать к ней женщин-служанок и православного священника. Последнее его письмо, написанное к ней из Твери, где он ждал вызова от отца, было обнадеживающим: «Слава Богу, все хорошо, и чаю меня от всего уволят, что нам жить с тобою, будет Бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет».

Алексей изливал ей душу, а его ненаглядная Евфросинья наслаждалась своим новым положением любимицы как сына, так и – благодаря ее содействию планам Толстого – отца. Она развлекалась в Венеции, каталась в гондоле, купила парчи на 167 дукатов, крестик, серьги и кольцо с рубином. В большинстве ее писем нет того нетерпения и страсти, которые испытывал ее любовник. На самом деле их писал секретарь, а малограмотная возлюбленная царевича обыкновенно приписывала большими кривыми буквами несколько строк, в которых просила прислать икры, копченой рыбы или гречки с ближайшим курьером.

В России весть о возвращении царевича возбудила смешанные чувства. Никто толком не знал, как его встречать: как наследника престола или как предателя, который дожидается решения отца на пороге Москвы. Французский дипломат де Лави выразил это странное, неловкое ощущение: «Приезд царевича доставил столько же радости одним, сколько горя другим. Те, кто принял его сторону, радовались – пока он не вернулся, – что свершится какой-то переворот. Теперь все изменилось. Интриганство приходит на смену недовольству, и все затихло в ожидании исхода дела. В целом его возвращение не одобряется, так как полагают, что его постигнет участь его матери». Некоторые наблюдатели, особенно из тех, кто надеялся, что наследник переживет и сменит на троне своего отца, были раздосадованы. Семен Нарышкин горько сетовал: «Иуда Петр Толстой обманул царевича, выманил». А вот слова князя Василия Долгорукого князю Гагарину: «Слышал ты, что дурак-царевич сюда едет потому, что отец посулил женить его на Афросинье? Жолв¹⁶ ему – не женитьба!»

¹⁵ Речь идет, по-видимому, о письме царевича одному из сопровождающих: «Петр Михайлович! Сука, блядь, забавляй Афросинью, как можешь, чтоб не печалилась: понеже все хорошо». – *Примеч. ред.*

¹⁶ Гроб. – *Примеч. ред.*